

ЗАКОН И ОБЩЕСТВО

В ИЮЛЕ — АВГУСТЕ 1968 года в журнале «Москва» были напечатаны «Записки Серого Волка». Не так давно они вышли отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия».

Уже после этого редакция «Литературной газеты» получила много писем от читателей книги. Их авторы хотя и узнают, как сложилась дальнейшая судьба автора «Серого Волка», пишет ли он новую книгу.

Я позвонил Ахто Леви и попросил его ответить на эти вопросы. Он сказал, что работает над продолжением «Записок Серого Волка», и сообщил, что в ближайшее время... соизывает у себя дома «воровскую сходку», на которой я смогу увидеть живых героев будущей книги.

О чем же будет новая книга?

В октябре 1963 года в один из городков маленькой южной республики с чемоданчиком в руках и направлением из Уральской исправительно-трудовой колонии прибыл человек лет тридцати-тридцати двух. Он приехал с намерением, как говорили в его прошлой жизни, «завязать» и с надеждой на помощь.

Однако действительность с первых же шагов показала, что не так-то просто начать эту выношенную в мечтах новую жизнь. На работу не брали, потому что не было прописки. Прописки не было, потому что не было жилья. А жилья не было, потому что никто не хотел брать к себе человека, нигде не работающего.

Закладыванный крут! Он обычно скрыт от глаз общественности. Ведь речь идет о тех, кто по всем графам официальной отчетности исправился. Карающий меч закона исполнил свою миссию — человек отбыл наказание, и формально перед ним открыты все дороги. Но...

Вот вокруг этого «но», вобравшего в себя многие жизненные противоречия, и шел разговор на встрече, условно названной Леви «воровской сходкой».

Кто же пришел в гости к «Серому Волку»? Вольт Митрейкин. После школы Вольт попал в тюрьму, и, отбыв в местах заключения семнадцать с половиной лет за бандитизм, недавно вернулся домой. Приехал в Москву к престарелой матери и попытался устроить свою жизнь. Однако, согласно действующему «Положению о паспортах», ему в прописке было отказано.

«И поделом — что отказано, — скажет иной читатель, — не хватает нам еще в Москву бандитов прописывать».

Не будем спешить с вы-

водами: послушаем, что говорят о себе сам Митрейкин.

— Произошло это со мной в Москве в 1950 году. Мне было тогда 18 лет. Вместе со студентом-сокурсником и одной девушкой из нашей компании мы напали на таксиста и отняли у него десять рублей. Я был осужден. И вот вернулся из заключения. Я — художник-оформитель, но без прописки нигде не мог устроиться и уехал работать малым на стройку в Малоярославец.

Я женат, а приезжать к жене под Москву могу только в выходные дни. Каждый приезд — семь рублей. Одни эти поездки отнимают половину зарплаты. Жена учится в Литинституте, живет в ветхом деревянном доме без удобств. Она часто болеет, а недавно перенесла тяжелые роды, во время которых ребенок наш умер, не родившись. После этого я больше не мог ее оставлять и, уволившись с работы, приехал к ней. Приехал, а что делать дальше, не приложу ума...

А теперь послушаем другого участника встречи — Валентина Александровича Семина, в прошлом известного угрозыска страны под кличкой Хлестак, у него было 14 судимостей, двадцать два года он провел в заключении.

— Мое прошлое всем известно. И на Петровке, 38, и кое-где еще... Прошлого мое началось с 1928 года. Был я вором в законе, «щипачом». Щипал с 12 лет в Гнездиновском переулке. До войны воровал где только мог: на рынках, в поездах, машинах. А во время войны «слесарил», то есть грабил квартиры. Мой последний срок был в 1950 году — пять лет. После этого я решил «завязать». Эта мысль была у меня и раньше, но всегда что-то мешало уст-

роить жизнь по-новому. Не к кому было за помощью обратиться. Бывало, глянул на справку: судимости — ужас просто! И вдруг... объявляют амнистию. Меня прописывают. С тех пор я и работаю в управлении механизации Мосинжстроя слесарем, только теперь уже настоящим слесарем. Вот ведь какая игра судьбы! — иначе не скажешь, сравнивая эти две жизни — бывшего рецидивиста Хлестака и единожды оступившегося Митрейкина.

На «воровской сходке» у Ахто Леви привелись много фактов, когда в силу действующего «Положения о паспортах» человек, вернувшийся из заключения и вставший на честный путь, не может вернуться домой, в семью, поступить на работу в том городе, где жил. Дети не могут приехать к родителям, родители — к детям. Вкривь и

вкось идет жизнь этих людей.

В самом деле, вдумайся в «Положение». Даже не в нравственную, а в юридическую его сущность. Не противоречит ли оно самому духу нашего законодательства, основанного на неприятии наказания тяжести содеянного? Ведь если человек, испив «горькую чашу», все еще остается ущемленным в правах, то не значит ли это, что «карающий меч закона» продолжает действовать даже

какое-то жестокое животное. Пришлось скрываться. Я прожил на свободе шесть лет с чужой фамилией. Все эти годы я честно трудился на целине механиком. Там женился, у меня родился сын. В 1957 году был награжден двумя грамотами и медалью «За освоение целинных земель». Как я жил эти годы — не пожелаю своему врагу. Каждый день ждал своего ареста и вестил честный образ жизни, создал семью, играть роль порядочного, всем доволь-

В одном из недавно вышедших изданий «Записок Серого Волка» есть послесловие автора, имеющее отношение к затронутой теме: «Напрасно думают те, кто лишен свободы, что с окончанием срока приобретут ее. Нет, свобода начинается не с того дня, когда ты выходишь за ворота. Она начинается и раньше, и позже. Она начинается с того дня, когда ты впервые нашел в себе силы противостоять собственной слабости, и с того, когда ты уже на воле сумеешь побе-

«сходке» Ахто Леви, — часто беспомощны, как маленькие дети. Я помню человека, которому в Молдавии помогали устраиваться после отбытых им 19 лет. Он настолько всего боялся, что мог общаться с кем бы то ни было только через меня, будто через переводчика. Помню, даже боялся он самостоятельно переходить улицу из-за интенсивного движения, к которому не привык.

У каждого из нас, вероятно, была такая улица, которую необходимо пере-

Когда-то Бунина вела дорога Виктора и Сергея в суд. Но то, что я узнал, не имело прямого отношения к ее адвокатской деятельности.

Все они — Виктор, Сергей и еще многие — вошли в жизнь Буниной, и, наверное, поэтому (как убедился я потом) Светлана Михайловна часами может говорить о каждом из них. О том, как Виктор, уже вернувшись, продолжал воровать, лгал и как сумели найти ключ к его характеру Бунина и ее друзья, привили ему любовь к искусству, театру, научили ценить красоту жизни, которая открылась перед ним здесь, на свободе.

Да, Виктору помогла не только Бунина. Не имея постоянной прописки, он месяцами ходил из учреждения в учреждение, пока не нашелся человек — настоящий человек, теперь мы это можем сказать, — который пошел на риск, взял на работу и добился прописки человека «оттуда». Это был Владимир Иванович Пирожков, депутат райсовета, тогдашний директор Московского портового холодильника, где Виктор работает и сейчас.

Столь же непростой была история Сергея. Разве лишь среди действующих лиц этой истории были теперь и люди «оттуда», те, кто, сам получив руку помощи, протягивал ее другим. Действовала как бы цепная реакция, обратная известной воровской поговорке: «Бей ближнего, чтобы больше боялся дальний». Эта история, в которой люди помогали и «ближним», и «дальним», начинается не с Сергея, а с другого парня — Лени Полякова, приехавшего из заключения в одной телогрейке и с большим

мешком книг. Он учился там и вернулся, обуреваемый страстным желанием учиться, но решительно не зная, как и с чего начать. И опять же нашелся человек, фамилия которого Госин и кто по роду своей деятельности меньше всего связан с миром, откуда приходят вчерашние заключенные.

Игорь Яковлевич Госин, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, застенчивый и немного раскисавший, будто бы витающий в облаках, повел себя в этой истории более чем энергично. Он не только пошел к директору и добился приема Лени на работу, но и помог Полякову подготовиться к экзаменам, поступить в институт. Теперь Поляков — аспирант второго года обучения и уже сам без пяти минут ученый. Но вот что замечательно: только-только встав на ноги, он сказал Буниной и Госину, что у него остался в заклю-

чении друг, и он не может себя чувствовать счастливым, пока тот находится там, в колонии. Так завязалась эта переписка между человеком, живущим за полойкой отчуждения и стремящимся найти свое место в жизни, и теми, кто здесь, в этом мире, на свободе. С одной стороны — Сергей, отбывающий наказание за разбой, а с другой, — Поляков, Бунина, друзья Сергея.

С первых же месяцев переписки они сумели убедить его в том, что он, Сережа, им нужен так же, как они ему, если не больше. И, сидя там, он уже почувствовал себя членом общества, домой поехал с горячим желанием работать, принести пользу. Однако и по сей день Сергей прописан временно и потому находится на временной работе. Два месяца работает, потом подает заявление об увольнении. Десять дней не получает зарплату, бездельничает, затем снова поступает, потому что временный работник может работать только два месяца...

Бескорыстие, с которым Бунина, Госин, Пирожков помогают вчерашним заключенным, не может не вызывать уважения. Но мне бы хотелось сказать здесь не об этой, вернее, не только об этой, чисто филантропической стороне дела. Я хотел бы дать их деятельности иную, государственную оценку.

И Бунина, и Госина, и многих-многих таких же, как они, справедливо называть строителями мостов и тоннелей, по которым идут вчерашние заключенные к новой жизни.

И все же когда думаешь об этой бескорыстной, в высшей степени человеческой деятельности, то испытываешь двойственное чув-

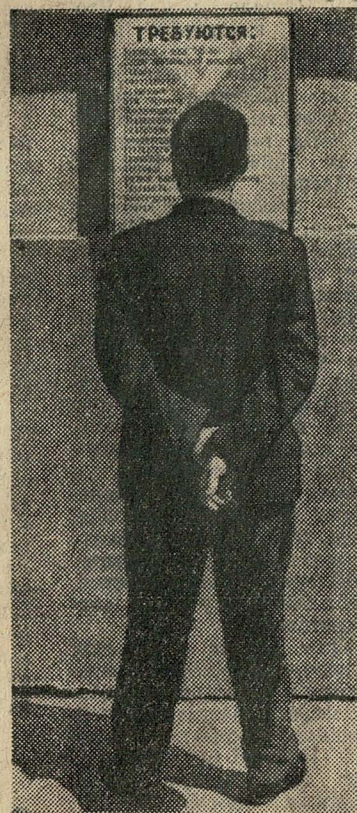
во. С одной стороны, видишь, какие у нас возможности, какие нравственные резервы, с другой, — как еще плохо эти возможности используются. Ведь сколько бы ни были велики усилия энтузиастов — талантливых, самоотверженных, неутомимых, все же эти усилия — да простят меня за тривиальное сравнение — можно уподобить лишь маленьким разбросанным ручейкам, не слившимся пока в единый поток.

Как лучше организовать широкую общественную поддержку людям, которые твердо решили вступить на честный путь? Разумеется, этого не решить на одной встрече. Тут требуются изучение опыта, и обстоятельный коллективный разговор с участием всех, что называется, заинтересованных сторон: МВД, местных Советов, профсоюзов, комсомола.

В. ПЕРЕЛЬМАН,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ЧЕЛОВЕК ВЕРНУЛСЯ...

НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ НАЗАД АВТОР «ЗАПИСОК СЕРОГО ВОЛКА»
ПИСАТЕЛЬ АХТО ЛЕВИ СОЗВАЛ «СХОДКУ» БЫВШИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ. ШЕЛ РАЗГОВОР О ВОЗВРАЩЕНИИ
ВЧЕРАШНИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ К ТРУДУ, К СВОИМ СЕМЬЯМ,
К НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.
МЫ ПУБЛИКУЕМ РЕПОРТАЖ ОБ ЭТОЙ ВСТРЕЧЕ.

тогда, когда ему положено быть в ножнах?

ГОВОРИЛИ участники встречи отнюдь не только о прописке вчерашних заключенных, но главным образом — о путях возвращения их к настоящей жизни, к активной деятельности, к пользе общества. Я же приведу одно из писем, с которым познакомил собравшихся Леви.

«Из своих сорока четырех лет, — писал его автор — я полжизни просидел в заключении. Мне стыдно и горько вспомнить о своем прошлом. Еще в 1954 году, выйдя на свободу в Якутии, я честно ушел из воровской жизни, но врагов себе нажил этим много. И вот результат: защищая свою жизнь, я убил. Кого? Человеком его назвать не могу, это было

ного человека. Я не мог так жить, пришел с повинной. Меня арестовали. Этапировали в Якутию, но в конце концов, разобравшись, установили мою невиновность. Мои действия были признаны правомерными.

Через год я возвратился на родину, в Баку, но меня не прописали и в институт, где я раньше работал, не приняли. Семья развалилась. И пошел я на старую дорогу. И вот я опять здесь. Дали три года, осталось одиннадцать месяцев. Работаю, учусь. В общем, отбываю срок. А что делать на свободе, как теперь строить жизнь, не знаю. С приветом, Табаков Николай, в прошлом Граф».

Давайте задумаемся: кто виноват в истории с Табаковым? Только ли он сам, не выдержавший испытания жизни?

дуть недоверие людей, доказать свое право на свободу».

С этой мыслью соглашались все. Как бы ни был гуманен наш закон, ничто не может снять ответственности за преступление, избавить от необходимости пройти от начала до конца путь нравственной борьбы за самого себя.

Но борьба идет не в вакууме, ее исход во многом зависит от окружающих, от чужести их, деловитости, умения понять и конкретно помочь.

Те, к кому обращаются за помощью вчерашние заключенные, порой не отдают себе отчета в том, что, говоря «да» или «нет», они решают исход целой жизни.

— Люди, выходящие на волю, — говорил на этой

ти. Каждый знает, как это нелегко сделать. И хотя повсюду знаки безопасности движения и отовсюду свистки блюстителей порядка — все равно нужно большее: нужны переходы, нужны мосты и тоннели, построенные умными и заботливыми руками.

ОБ АДВОКАТЕ Светлане Михайловне Буниной впервые я услышал в тот же день у Ахто Леви от Виктора Сидоренко, в прошлом карманного вора-щипача (он четырнадцать лет пробыл в заключении), и Сергея Толочкова, осужденного ряд лет назад за разбой. Так же, как и Виктор, Сергей отбыл наказание и в этом году заканчивает пединститут. Прошлое давно ушло, как говорят, кануло в воду, и возврата к нему больше нет.

**ЧТО ВЫ
ОБ ЭТОМ
ДУМАЕТЕ?**

Как сделать, чтобы люди, искупившие свою вину, быстрее включились в трудовую жизнь?

Свою точку зрения высказывают
работники милиции